

Больше всего А. П.—чу нравился языкъ Лермонтова.

„Я бы такъ сдѣлалъ: взялъ его рассказъ и разбираю бы, какъ разбираютъ въ школахъ, по предложениямъ по частямъ предложения. Такъ бы и учился писать. А вы замѣчаете, — говорилъ Чеховъ еще, — какъ вообще развивается, улучшается языкъ?“

Замѣтили ли вы, какъ теперь выбираютъ слова, которыя недавно считали невозможнымъ опускать?

Еще недавно, напримѣръ, писали: нѣсколько лѣтъ *тому* назадъ, теперь же всѣ пишутъ: нѣсколько лѣтъ *назадъ*. Импульсная слово *тому*. Выходитъ хорошо, и только удивляешься: зачѣмъ прибавляли это ненужное слово?“

Ирравичайно интересенъ рассказъ Чехова о началѣ своей литературной дѣятельности.

„Я началъ печататься лѣтъ девятнадцати... Когда сталъ зарабатывать литературой двадцать рублей въ мѣсяцъ, я почувствовалъ себя хорошо; потомъ пятьдесятъ, наконецъ, семьдесятъ пять — это было ужъ совсѣмъ превосходно*...“

„Мнѣ было трудно, — говорилъ А. П. — чѣмъ о. С. Ш. — ну въ другой разъ. — Я писалъ маленькіе рассказы, а ихъ долго не признавали, считали нестоящимъ дѣломъ. Знаете, кто намъ помогъ? Мопассанъ. Его признали, стали признавать и насъ. А то было такъ: придешь за отвѣтомъ въ редакцію юмористическаго журнала. Редакторъ даже не повернется, видишь только спину... „Не принять“. Теперь тѣ люди, которые раньше бранили, хвалятъ то самое, что ругали*...“

Л. Б-чъ.